
ФИЛОСОФИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Татаренко Н.А.

кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии РАН,
109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

E-mail: nataliya.koreneva@gmail.com

Понятие нравственного и его интерпретация в гегелевской «Системе нравственности»

Аннотация. В статье анализируется произведение Г.В.Ф. Гегеля «Система нравственности», принадлежащее к Йенскому периоду творчества философа. Это одна из первых попыток Гегеля разработать системный взгляд на проблему нравственности. Рукопись, так и оставшаяся не опубликованной при его жизни, представляет собой весьма необычный текст с точки зрения не только содержания, но и методологии. В нем очевидно влияние философии тождества Шеллинга, но при этом уже заметна самостоятельная мысль самого Гегеля, не всегда согласовывающаяся с шеллинговскими идеями. Автор анализирует методологические особенности гегелевского текста, интерпретирует смысл основных терминов, рассматривает главные содержательные моменты, а также приводит взгляд на «Систему нравственности» некоторых отечественных и зарубежных исследователей.

Ключевые слова: Немецкая классическая философия, Г.В.Ф. Гегель, Ф.В.Й. Шеллинг, нравственность, созерцание, понятие, тождество, абсолютная идея.

Текст «Системы нравственности», как и многие другие гегелевские произведения, был найден среди рукописного наследия философа после его смерти. Рукопись, частично переписанная набело, была обнаружена Карлом Розенкранцем и датирована – как потом оказалось, ошибочно – 1801/02 гг., став отнесенной, таким образом, к произведениям Франкфуртского периода. Своим заголовком она также обязана Розенкранцу. Интерес к наследию молодого Гегеля долгое время был крайне невысок, поэтому лишь исследования XX века показали, что рукопись была создана в период осени-зимы 1802/03 гг., т.е. примерно в то же время, когда было написано и опубликовано другое гегелевское произведение, затрагивающее ту же тематику: «О научных способах исследования естественного права».

По словам Вальтера Йешке, «Системе нравственности» принадлежит особое место среди гегелевских работ, и не только потому, что этот текст можно считать первым системным наброском Гегеля в области практической философии, но также и в силу условий, в которых этот текст создавался и которыми он в большой степени содержательно определен: речь идет о тесной работе с Шеллингом и об известном влиянии более молодого товарища на Гегеля, а также о попытках Гегеля в этот период подвергнуть критике теорию естественного права Фихте¹.

В данной работе мы предпримем попытку рассмотреть гегелевский текст с методологической и содержательной точек зрения, обозначим наиболее интересные, на наш взгляд, исследования «Системы нравственности», а также ответим на вопрос, как Гегель понимает нравственность в этом произведении. Надо отметить, что текст, несмотря на свой сравнительно небольшой размер, является одним из наиболее сложных для понимания произведений Гегеля (как дальше будет показано, такая точка зрения принадлежит не только автору статьи). Это обусловлено как объективными причинами, кроющимися непосредственно в языке и смысле текста, так и достаточно редким по сравнению с другими произведениями Гегеля рассмотрением данного текста в исследованиях, а значит, небольшим числом попыток реконструкции гегелевских идей в «Системе нравственности». Мы постараемся сделать это произведение хотя бы немного более доступным для понимания. Для этого, прежде всего, вкратце проанализируем некоторые из уже существующих и авторитетных исследований «Системы нравственности», а также предложим свой вариант понимания главных идей произведения.

---

¹ *Jaeschke W.* Hegel-Handbuch. Stuttgart, 2016. S. 141.

Место произведения в наследии Гегеля

Исследуемый нами текст представляет собой наиболее раннюю попытку философа системно проследить развитие идеи нравственного, описать процесс ее появления и рассмотреть, в каких формах она существует.

Прежде, чем обратиться непосредственно к тексту, напомним о современном общепринятом значении понятий нравственного и нравственности. Чаще всего мы говорим о нравственном поведении, нравственном человеке, нравственном поступке, понимая «нравственность» как синоним «морали». Соответственно, мы можем рассуждать о противоположных качествах и поступках как о чем-то *безнравственном*, противопоставляя безнравственное и моральное. В русском языке термин «нравственность» происходит от слова «нрав», которое имеет несколько значений: 1) характер, душевные качества человека, 2) обычай, традиция, присущие народу, этнической группе, иногда и более широко – гражданам одного государства. На немецкий язык «нравственность» переводится как *Sittlichkeit* (от слова *Sitte*, «нрав, обычай»); этимологию термина обычно прослеживают от греческого *ethos*, обозначающего обычай, уклад, привычки человека.

Однако для Гегеля нравственность имеет совершенно особое значение. Она в некоторой степени вбирает в себя второе значение термина, но не ограничивается им. Его концепция *Sittlichkeit* является одним из наиболее ярких примеров попытки разграничения морали и нравственности, которые вместе с тем тесно связаны между собой определенным образом. Оговоримся, что в данной работе мы не будем затрагивать понятие морали и сопоставление морали и нравственности в философии Гегеля, а также не будем рассматривать смысл нравственности в его зрелой философии. Это крайне широкая и содержательно богатая тема, изложенная в более поздних гегелевских работах и требующая отдельного исследования.

Наиболее подробно Гегель рассматривает понятие нравственности в ряде более поздних работ. К ним относятся «Феноменология духа», «Философия права», «Энциклопедия философских наук». Обычно при анализе гегелевского понимания нравственности и морали опираются в первую очередь на «Философию права», и такое решение, безусловно, имеет под собой разумное основание. Во-первых, данный текст относится к заключительному, зрелому периоду творчества Гегеля, в пору его преподавания в Берлинском университете. Во-вторых, это произведение наиболее полно описывает систему

объективного духа, включающую в себя мораль, право и нравственность, и естественным образом исследует только указанные темы. В-третьих, «Философия права» была издана еще при жизни Гегеля, а значит, текст был отредактирован собственноручно его автором.

Однако особый интерес, направленный на понимание проблемы нравственности в контексте развития и становления гегелевских взглядов, – впрочем, это справедливо и для других тем гегелеведения – представляет его творчество Йенского периода, кульминацией которого является первое крупное произведение философа – «Феноменология духа». Стоит сказать несколько слов о причине такого исследовательского интереса.

Во времена учебы в Тюбингенском теологическом институте лучшими друзьями Гегеля, как известно, были Ф.В.Й. Шеллинг и И.Х.Ф. Гельдерлин. Судьба последнего, к сожалению, оказалась печальной, его отношения с внешним миром постепенно ослабевали и были окончательно прерваны в связи с болезнью и вынужденным затворничеством поэта в начале XIX в. вплоть до самой его смерти в 1843 г. Но дружба Гегеля и Шеллинга была крепкой и продолжалась до их идейного разрыва, произошедшего после выхода в свет «Феноменологии духа». Шеллинг, бесспорно гениальный философ и один из наиболее блестящих интеллектуалов своей эпохи, гораздо быстрее достиг философской самостоятельности и зрелости, нежели его швабский друг, несмотря на то, что Шеллинг был младше почти на пять лет. Гегель долгое время был в роли ученика и верного почитателя, восхищаясь творчеством Шеллинга и испытывая его сильнейшее влияние на собственное философское развитие. Но в 1807 г. текст «Феноменологии духа» не только продемонстрировал сформированность нового методологически и идейно самостоятельного исследователя, но и способность критически осмыслять представления, которые раньше так высоко ценились самим Гегелем. Собственно, весь Йенский период являет собой этап становления Гегеля как самобытного и независимого философа. Мысли, высказанные им в это время, найдут свое продолжение в его дальнейшем творчестве.

Интерес к теме морали и нравственности отчетливо прослеживается в творчестве Гегеля, начиная с юности. Если мы обратимся к ранним гегелевским работам, которые получили благодаря Г. Нолю название «Ранние теологические сочинения» и включали тексты гегелевских рукописей Тюбингенского, Бернского и Франкфуртского периодов, мы столкнемся с темой нравственности в контексте критики Гегелем позитивной религии. Позитивность современных религий

Гегель видит в том, что они полностью подавляют человеческую свободу, присущую индивиду от природы. Вместо естественной религии, которая дана нам по природе и может быть только одной для всех, поскольку мы все человеческие существа, равные по своим природным качествам, человечество в целях распространения политического и социального влияния возвело определенные правила и верования в ранг неоспоримых догм, которые не могут быть подвержены сомнению. Конечно, и естественной религии присущи определенные религиозные действия, чувства, верования, однако «это избыточное делается позитивным только когда оно снимает свободу, только в том, следовательно, случае, когда оно предъявляет свои претензии к разуму и к разуму, вступая в противоречие с их необходимыми законами»², – говорит Гегель. Такая вера не приводит человека к умиротворению, спокойствию, она, напротив, подчиняет его, берет власть над его духом и полностью лишает свободы и самостоятельности разума. При этом истинная религия и мораль должны строиться на основе истин разума, которые позволят нам достичь высшей цели человечества – нравственности. Здесь мы еще не обнаруживаем какого-либо системного описания нравственности или более конкретного ее определения, однако совершенно ясно, что Гегель устанавливает тесную связь между человеческой свободой, причем свободой разума, духовной свободой, данной каждому от рождения, не зависимо от происхождения и «позитивной» религиозной принадлежности, и нравственностью как высшей человеческой целью, условием достижения которой и является свободное владение разумом.

Йенский период открывает для нас новое толкование Гегелем понятия нравственного. «Вера и знание», «О научных способах исследования естественного права», «Йенская реальная философия» – все эти произведения в той или иной степени затрагивают данную тему. В отличие от более ранних набросков, основанных главным образом на размышлениях о природном состоянии и назначении религии, Йенские рукописи все более отчетливо разворачивают перед нами проект будущей философской системы Гегеля. Нравственное здесь уже принадлежит привычной нам сфере социально-политического устройства государства. Однако это лишь первые шаги философа в мире абсолютного духа, – он нащупывает новые идеи, ошибается и снова возвращается к своему замыслу.

---

² Гегель Г.В.Ф. Позитивность христианской религии // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т. 1. М., 1970. С. 93.

«Система нравственности» в фокусе исследований

Тема философии права, государственности, морали и нравственности в произведениях Гегеля является весьма популярной не только в Германии, но и в России. Тем не менее, авторы чаще всего обращаются к гегелевскому творчеству зрелого периода («Философия права», «Энциклопедия философских наук»). Среди отечественных исследователей, затрагивавших данную проблематику, отметим таких авторов, как И.А. Ильин, П.И. Новгородцев, Н.В. Мотрошилова, М.Ф. Овсянников, А.В. Гулыга, В.С. Нерсесянц, А.А. Пионтковский, Е.П. Ситковский и другие. К сожалению, в последние десятилетия количество издаваемых работ по этой теме, как и по другим гегелеведческим темам, заметно сократилось. Если же говорить непосредственно об обращении авторов к «Системе нравственности» и ее анализу, то здесь круг исследователей сужается. Выделим два особенно интересных для нас текста.

П.И. Новгородцев рассматривает «Систему нравственности» в своей докторской диссертации, защищенной им в 1902 г. под названием «Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве: два типических построения в области философии права». В одной из глав он обращается к гегелевскому произведению, называя его «первым опытом этических воззрений», и рассматривает понятие абсолютной нравственности. Примечательно, что в то время текст Гегеля еще не был отнесен к Йенскому периоду его творчества, и Новгородцев предлагает вслед за некоторыми историками философии датировать его 1799 г. (а не 1802/03, на чем настаивал Р.Гайм, который, в общем, оказался ближе к истинному положению дел), апеллируя к тому, что в 1802 г. Гегель писал другое сочинение на эту же тему – «О научных способах исследования естественного права», – которое показывает совершенно иной взгляд философа на проблему³. Новгородцев усматривает в произведении основу для дальнейшего развития структур субъективного и объективного духа в гегелевской философии, а также отмечает изменение воззрений Гегеля в сравнении с творчеством Тюбингенского периода: если раньше немецкий философ придавал значение индивидуальности и свободе человеческого разума, то теперь он смотрит на проблему индивидуального и всеобщего с позиции фи-

---

³ Замеченное Новгородцевым смысловое, а главное, методологическое расхождение этих двух текстов действительно существует, и тем интереснее размышлять над вопросом, почему же Гегель оставил «Систему нравственности» не только не опубликованной, но и не законченной.

лософии тождества Шеллинга: «В слиянии с общим человек находит свое истинное предназначение; утрата индивидуальности приближает личность к божественному – таково новое воззрение Гегеля»⁴. В сфере нравственного для Гегеля, по его мнению, человек достигает сближения с абсолютным, вечным, с богом. При этом Новгородцев отмечает сходство структуры сферы нравственного и идеи платоновского государства, однако в более отвлеченной форме, без каких-либо отсылок к способу реализации «нравственного» общества. Отмечая излишнюю теоретичность и идеализацию в гегелевских построениях, Новгородцев в то же время очень красиво определяет данную работу: «это – гимн и молитва, это – славословие абсолютному духу, пребывающему в абсолютном покое вечного совершенства»⁵.

Н.В. Мотрошилова в работе «Путь Гегеля к «Науке логики»» исследует этапы формирования гегелевской мысли, начиная с учебы философа в гимназии Штутгарта и до написания «Науки логики». Автор рассматривает два типа системных построений Гегеля: «лого-метафизическое» и «политико-этическое». Для анализа становления «политико-этической» модели системы Н.В. Мотрошилова привлекает среди прочих такие работы Йенского периода, как «Система нравственности» и «Йенская реальная философия». Отмечая трудность данных произведений для чтения, в особенности «Системы нравственности», она пишет: «К обычным трудностям чтения, интерпретации гегелевских текстов присоединяется здесь то, что в этих ранних работах много туманных, сбивчивых рассуждений – мысль самого автора как бы с огромным напряжением пробивается сквозь толщу непроясненных проблем, неотработанных терминов и т.д.»⁶ Автор отмечает, что гегелевская задача – описать становление абсолютной нравственности через последовательное подведение созерцания под понятие, а понятия – под созерцание в сфере различных явлений человеческой жизни не способствует глубокому пониманию общественных явлений, описываемых Гегелем.

Теперь обратимся к некоторым зарубежным авторам, интерпретировавшим «Систему нравственности». В своем фундаментальном труде «Гегель и государство» Франц Розенцвейг предлагает по-новому взглянуть на философское развитие Гегеля. Характеризуя

⁴ Новгородцев П. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типичных построения в области философии права. М., 1901. С. 180.

⁵ Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. С. 183.

⁶ Мотрошилова Н.В. Путь Гегеля к «Науке логики». М., 1984. С. 96.

работы Розенкранца и Гайма как «бездушные» и «неясные»⁷, Розенцвейг привлекает к исследованию на тот момент недавно опубликованные труды молодого Гегеля, к которым относится и «Система нравственности»: «Это первая сохранившаяся версия той части системы, которую Гегель позднее назвал объективным духом и которая внутри системы содер­жательно открыла для идеалистического движения чуть ли не больше, чем любая другая неисследованная в философии сфера»⁸. Отмечая заметное влияние Шеллинга на первые две части произведения, Розенцвейг рассматривает их достаточно кратко, стремясь быстрее перейти к последней части текста, где, по его словам, есть много оригинальных гегелевских размышлений. Начиная разговор об «абсолютной нравственности», автор делает неоднозначный и достаточно резкий вывод: «Из семьи и войны развивает философ сущность государства»⁹. Такое тождество семьи и войны и возвышение над ними идеи абсолютной нравственности, или абсолютно­го народа, обусловлено для Розенцвейга тем, что семья являет собой единичное, а война же уничтожает любую особенность единичной личности. Народ в гегелевском понимании представляется автором как «государственная нация» (Staatsnation), а не как «культурная нация» (Kulturnation). Розенцвейг придает таким образом этому понятию политический оттенок и четко отделяет его от понятия «народный дух», встречающегося в гегелевских произведениях Тюбингенского периода.

Немецкий философ и юрист Герман Геллер в своей работе, посвященной исследованию «силового государства» (Machtstaat), связывает развитие националистической идеологии в Германии с философией немецкого идеализма, называя «отцом» этого явления Гегеля. Согласно его мнению, именно гегелевские идеи, тесно связанные с этикой Макиавелли, лежат в основе взглядов Генриха фон Трейчке, члена национал-либеральной партии, известного своими критическими взглядами на ассимиляцию евреев в Германии. Мы не будем останавливаться на том, насколько справедлива его теория, а вернемся к интересующему нас тексту. Геллер указывает на то, что «Система нравственности» является важным произведением для понимания государства у Гегеля, отмечает романтический характер текста и говорит о различных исследованиях, которые относят данный труд либо к

⁷ *Rosenzweig F. Hegel und der Staat. Erster Band. Lebenstationen. München; Berlin, 1920. S. XII.*

⁸ Hegel und der Staat. S. 130.

Франкфуртскому, либо к Йенскому периоду творчества Гегеля. Геллер анализирует определение абсолютной нравственности и пишет о том, что под «народом» мы должны понимать «народный дух» (*Volksgeist*), который основывается не на культурном различии народов, как это свойственно для Фихте или Гердера, а на национальной принадлежности. Кроме того, поскольку для Гегеля абсолютная нравственность – это нравственность всего народа, а нравственность отдельного индивида – это «негативная нравственность», то сферы политического и морального в его взглядах кардинально отделены друг от друга: «Эта государственная этика иллюстрирует полное освобождение (*die völlige Emanzipation*) политики от морали, острейший отказ от любой космополитической и универсалистской индивидуальной этики и направлена точно так же против христианства и Канта»¹⁰. Таким образом, вся работа Геллера нацелена на разоблачение гегелевской политической и этической философии, о чем свидетельствуют и стиль изложения, и обилие цитат из гегелевских текстов, представляющих собой весьма обрывочные фразы. Тем не менее, такая интерпретация гегелевской философии позволяет посмотреть на тексты Гегеля с более критически окрашенной позиции.

Герберт Маркузе в труде «Разум и революция», написанном в годы эмиграции, исследует становление гегелевской философии и ее влияние на последующее развитие социально-политической мысли. Пытаясь показать, что тенденция связывать гегелевские идеи с появлением и укреплением национал-социализма и фашизма несостоятельна, Маркузе обращается к истории формирования Гегеля как философа, в основе политических взглядов которого базировалась идея гражданского общества, которое «может функционировать, не нарушая основных прав и свобод индивида»¹¹. Тексту «Системы нравственности» Маркузе отводит не последнее место в своем исследовании, называя его при этом «одним из самых трудных в немецкой философии»¹². Сфера нравственного относится к явлениям культуры, понимаемой довольно широко и включающей такие элементы, как религия, политические и социальные институты, философия, искусство, – иными словами, все сферы, представляющие собой результат действия разумного субъекта, гармонично объединяющий в себе

---

⁹ Hegel und der Staat. S. 132.

¹⁰ Heller H. Hegel und der nationale Machtstaatsgedanke in Deutschland. Leipzig; Berlin, 1921. S. 78.

¹¹ Маркузе Г. Разум и революция. СПб, 2000. С. 514.

¹² Разум и революция. С. 91.

субъективное и объективное. Культурное развитие, существующее для Гегеля в двух измерениях – историческом и онтологическом – начинается с этапа освоения тех объектов, которые необходимы для выживания и удовлетворения базовых потребностей человека, таких как потребность в пище и питье. По мере развития субъект становится способным конструировать внешний мир для более удобного поддержания жизни, что приводит к постепенному объединению в сообщества, начиная с семьи и заканчивая государством. Особое место Маркузе отводит анализу понятия труда. Индивидуальный труд является своего рода стоимостью удовлетворения имеющихся потребностей. Однако далеко не всегда эта стоимость оказывается достаточной, в результате происходит сильное расслоение общества на богатых и бедных, обреченных на измощающий механический труд. И только государство, основанное на принципе дисциплины, в силае гарантировать справедливость и некоторое равенство в социуме: «Задача государства или любой другой адекватной политической организации заключается в том, чтобы противоречия, присущие экономической структуре, не смогли разрушить систему в целом. Государство должно сдерживать неуправляемое социальное и экономическое развитие»¹³. Таким образом, Гегель, согласно Маркузе, выступает за создание сильного, независимого государства, способного побороть анархичные экономические механизмы ради создания общества справедливости.

Д. Лукач отмечает сложность и плохую выстроенность гегелевских рассуждений, что способствует трудности восприятия основных идей «Системы нравственности». «Это сочинение – кульминационный пункт его экспериментирований с системой понятий Шеллинга»¹⁴, – пишет он. Экономической составляющей гегелевских идей Лукач придает еще более важное значение, чем Маркузе. Диалектика развития экономических категорий у Гегеля очевидна: триада «потребность, труд, наслаждение» сменяется другими категориями – «обладание орудием, процесс самого труда, обладание продуктами труда»¹⁵. Такое значение труду придается, по мысли Лукача, в силу того, что именно через труд человек становится поистине разумным субъектом, индивидуумом, он порывает с естественным состоянием и обретает нечто всеобщее, отделенное от чисто природного и единично-

---

¹³ Маркузе Г. Разум и революция. С. 95–96.

¹⁴ Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М., 1987. С. 360.

¹⁵ Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. С. 361.

го. Однако по мере роста производительных сил происходит все более жесткое разделение общества на классы, обнищание одних и чрезмерное обогащение других. В отличие от Маркузе, Лукач рассматривает идею государственного регулирования данного процесса, высказанную Гегелем, утопичной: «Эта смесь глубокого и верного понимания противоречивости капиталистического развития и наивной иллюзии относительно возможности государственного и общественного противодействия с этого момента будет характеризовать все развитие Гегеля»¹⁶. Несмотря на это, Лукач крайне высоко оценивает гегелевские достижения с области политико-экономической мысли. Именно Гегель смог уловить «сущность денег», увидеть в них объективность и реальность «вещи», а не только лишь «отношение».

Работа Штеффена Шмидта является на сегодняшний день, пожалуй, наиболее полным исследованием, посвященным интересующему нас тексту. Автор подробно разбирает историю рукописи, приводит историографический обзор исследований текста, сопоставляет основные его идеи с философскими взглядами Шеллинга, Канта и Фихте. Гегелевский текст содержит множество различных понятий, однако Шмидт отмечает, что именно нравственность стоит в центре работы: «Для Гегеля «нравственность» является ключевым понятием, с помощью которого он пытался описать в рукописи интересовавшее его переплетение отношений. Поэтому я выступаю за то, чтобы поставить это понятие в центр интерпретации «Системы нравственности»»¹⁷. Шмидт предпринимает попытку показать, что данный текст не был неудачной попыткой статьи, но является закономерным результатом развития гегелевских интересов в сфере нравственного, характерных для философа с ранних этапов творчества.

Основные понятия и методологические особенности текста

Идея (Idee), Тожество (Identität), тотальность (Totalität), адекватность (Adäquatsein), всеобщее (Allgemeine) и особенное (Besondere), понятие (Begriff) и созерцание (Anschauung), субсумирование (Subsumption) – все эти термины составляют понятийный аппарат и методологическую канву произведения, с их помощью Гегель выводит понятие абсолютной нравственности. Особенность «Системы

---

¹⁶ Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. С. 370.

¹⁷ Schmidt S. *Hegels System der Sittlichkeit*. Berlin, 2007. S. 32.

нравственности», как и всех его ранних произведений, заключается в том, что мы не можем анализировать данный текст посредством смыслов и значений, которые мы вкладываем в вышеперечисленные понятия, отталкиваясь от общепринятой и известной трактовки гегелевской философии, иными словами, оперируя терминологией зрелой гегелевской философии. Мы не можем экстраполировать смысловое содержание сложившейся гегелевской системы на текст, который хоть и является одной из первых попыток представления части системы объективного духа, позднее развитой в «Философию права», но при этом очень нетипичен для последующего творчества философа. Единственное, что мы можем предпринять для лучшего понимания исследуемого нами произведения – это обратиться к тем текстам, которые были написаны Гегелем примерно в одно время с «Системой нравственности», а также иметь в виду основные положения шеллинговской философской мысли.

Среди произведений Гегеля особую ценность в данном случае представляет текст «Различие между системами философии Фихте и Шеллинга», опубликованный в «Критическом философском журнале», основанном Гегелем и Шеллингом. Известно, что это пока еще время безусловного идейного влияния Шеллинга на более старшего товарища. Итогом такого мыслительного тождества стало отсутствие авторства их статей, публикуемых в журнале.

Сложно не заметить, что в многообразии терминологического богатства отчетливо прослеживается влияние философской мысли Шеллинга. Так, многие понятия становятся ясны из текста 1801 г. «Изложение моей системы философии» Шеллинга, образцом для которого послужила, по словам самого автора, Спинозовская «Этика». Другой текст, чьи идеи весьма созвучны гегелевской «Системе нравственности», был написан Шеллингом в 1802 г. и называется «Дальнейшее изложение философской системы» («*Fernere Darstellungen aus dem System der Philosophie*»). Как пишет Штеффен Шмидт, достаточно бегло взглянуть на содержание и подзаголовки шеллинговского текста, чтобы осознать влияние Шеллинга на концепцию «Системы нравственности» Гегеля¹⁸.

Поскольку попытка разобраться в гегелевском тексте без соотнесения его с философскими идеями Шеллинга не представляется возможной, нам предстоит обратиться к вышеуказанным шеллинговским произведениям. «Изложение моей системы философии» – это попыт-

---

¹⁸ Schmidt S. *Hegels System der Sittlichkeit*. S. 90.

ка объединения натурфилософии и трансцендентальной философии как двух равноправных частей одной системы, но описывающих ее с разных ракурсов, которое исходит из принципа абсолютного разума, существующего до субъективного разума индивида и, соответственно, до мышления им отдельных объектов. В таком самотождественном разуме содержится все бытие, однако в точке безразличия, в состоянии, где отсутствует субъективное и объективное. Кроме того, Шеллинг поясняет, что абсолютное тождество, под которым он понимает все сущее, он также называет абсолютной тотальностью, или универсумом. Следующий ряд тезисов гласит, что единичная вещь существует вне единого абсолютного тождества, а это возможно только в результате рефлексии и некоторого искусственного отделения единичного от целого. Такое единичное бытие Шеллинг называет «определенной формой бытия абсолютного тождества»¹⁹. При этом форма единичности есть та же, что и форма целого.

Гегелевский текст пестрит разнообразными терминами, которые автор, к сожалению, оставляет в большинстве случаев без объяснения и толкования. Кратко обозначим метод Гегеля, который он раскрывает в начале произведения.

Уже в первом предложении «Введения» читателю сообщается, казалось бы, основное методологическое требование, которое должно быть выполнено для достижения авторской цели: «Чтобы познать идею абсолютной нравственности, нужно созерцание сделать полностью адекватным понятию, поскольку идея сама есть не что иное, как тождество обоих»²⁰. Однако для того, чтобы это познание стало возможным, «это тождество должно мыслиться как адекватность»²¹. Гегель не расшифровывает ни одного из этих терминов. Однако дальше появляются все новые и новые термины, зачастую усугубляющие сложность понимания гегелевского метода: всеобщее, особенное, субсумирование. Но все же кое-что мы можем сказать с определенностью: созерцание Гегель называет подлинно всеобщим, а понятие – подлинно особенным. Таким образом, искомое нами тождество можно свести к тождеству всеобщего и особенного. Гегель

¹⁹ Шеллинг Ф.В.Й. Изложение моей системы философии. СПб, 2014. С. 60.

²⁰ Гегель Г.В.Ф. Система нравственности // Гегель. Политические произведения. М., 1978. С. 276. Здесь и далее перевод дается по указанному изданию, но при необходимости откорректирован после сверки с текстом на немецком языке: Hegel G.W.F. System der Sittlichkeit [Critik des Fichteschen Naturrechts]. Hamburg, 2002.

²¹ Гегель Г.В.Ф. Система нравственности. С. 276.

предлагает сделать это посредством их взаимоположения, или субсумирования: созерцание должно быть подведено под понятие, а понятие – под созерцание. Только подобное рассмотрение содержания тождества даст нам картину *абсолютного* тождества. Философ поясняет, что такое рассмотрение, при котором понятие подводится под созерцание (другими словами, особенное подчиняется всеобщему), хоть и является абсолютным, но все же не является достаточным для цели исследования. Такое одностороннее изучение Гегель называет отношением и указывает на ограниченность его познавательных функций. И следом мы впервые сталкиваемся с тем, о чем будет повествовать третья часть рукописи. Оказывается, что созерцание идеи абсолютной нравственности суть «абсолютный народ» (С. 276), а ее понятие – «абсолютное единство (Einssein) индивидуальностей» (С. 276).

Первый шаг, который предпринимает философ на пути постижения идеи абсолютной нравственности – это подведение созерцания под понятие. В результате такого действия мы постигаем абсолютную нравственность в качестве природы: «созерцание нравственности, которое есть народ, становится многообразной реальностью, или единичностью, единичным человеком, и вместе с тем абсолютной рефлексией природы внутрь себя, чем-то парящим над единичным, чем-то формальным» (С. 277) Такая абсолютная нравственность получает у Гегеля название природной нравственности, она суть «несовершенное объединение, или отношение» (С. 277).

Гегель не останавливается на подобном делении своего исследования нравственности. Он предлагает более детально рассмотреть, что же представляет собой природная нравственность. Используя опять же принцип подведения понятия под созерцание и созерцания под понятие, он выделяет две потенции: потенцию природы и потенцию бесконечности, идеальности.

Отдельно стоит отметить, что данный методологический принцип Гегель заимствует у Шеллинга, но при этом не следует ему в полном соответствии. В философии Шеллинга потенции имеют определенное значение. Обозначим суть этого приема в общих чертах. В «Системе трансцендентального идеализма» потенциями Шеллинг называет последовательность ступеней развития самосознания в универсуме. Потенцирование берет начало в сфере природного, постепенно поднимаясь до разумного. Так, например, созерцание в первой, простейшей потенции Шеллинг называет созерцанием созерцания, «ибо оно – созерцание ощущения. Ощущение уже само есть созерцание, но созер-

цание в первой потенции (отсюда и простота всех ощущений, невозможность определить их, так как определение всегда синтетично)»²². Вторую потенцию Шеллинг определяет как продуктивное созерцание, суждение и связывает ее с деятельностью. Третья же потенция – это Я, возвысившееся до интеллигенции, единство первых двух потенций, или организм. Далее философ заключает: «Трансцендентальная философия является не чем иным, как постоянным потенцированием Я; весь ее метод состоит в том, чтобы, переводя Я с одной ступени самосознания на другую, довести его до того уровня, где оно будет положено со всеми своими определениями, которые содержатся в свободном и осознанном акте самосознания»²³.

В уже упомянутой работе «Изложение моей системы философии», которая была написана незадолго до «Системы нравственности», Шеллинг развивает и модифицирует теорию потенций. Для нас здесь содержится одно очень важное замечание: «Абсолютное тождество есть только в форме всех потенций»²⁴, оно же есть безразличие субъективности и объективности. На вопрос же об очередности потенций философ теперь отвечает, что нет первой или второй потенции, но все они существуют одновременно, точнее, вечно, поскольку если для них не существует последовательности во времени, то нет и «до» или «после». Шеллинг определяет Абсолют через потенции, которые выражает формулой $A=B$, где А и В являются выражением субъективности и объективности²⁵. Эти противоположности в Абсолюте уже преобразованы и тождественны. Таким образом, в Абсолюте нет качественного различия, субъективное и объективное суть одно, противоположности тождественны.

Мы не можем точно сказать, на какие тексты Шеллинга опирался Гегель при написании «Системы нравственности», но ясно одно: данный метод, как и некоторые другие идеи, был заимствован из философии тождества. На наш взгляд, Гегель привнес в него некоторые собственные особенности, кроме того, попытался применить его к сфере нравственного, которая не рассматривалась ранее в терминах подобной методологии. Очевидно, что его цель заключалась в выведении абсолютной нравственности из последовательности различных, все более высоких потенций, все менее связанных с природным и все

²² Шеллинг Ф.В.Й. Система трансцендентального идеализма // Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М., 1987. С. 308.

²³ Система трансцендентального идеализма. С. 329.

²⁴ Шеллинг Ф.В.Й. Изложение моей системы философии. С. 65.

²⁵ Изложение моей системы философии. С. 48–50.

более близких к сфере разумного.

Для более точного толкования методологических особенностей и смысла некоторых понятий, на основе которых Гегель строит «Систему нравственности», нам необходимо обратиться к его работе «Различие между системами философии Фихте и Шеллинга», точнее, к части, посвященной философии Шеллинга. «Принцип тождества есть абсолютный принцип всей системы Шеллинга. Философия и система совпадают; тождество не исчезает в своих частях и еще менее в своем результате», – пишет Гегель²⁶. В критикуемой им ранее системе Фихте тождество нарушается и исчезает. Однако такое положение вещей противоречит, по мысли Гегеля, цели философии: «В своем разделении философия не может полагать разделенных, не полагая их в абсолютном, ибо в таком случае они суть чистые противоположности, не имеющие никакой другой характеристики, кроме той, что одно есть то, чем не является другое»²⁷. Таким образом, для Гегеля тождество представляет собой основу и гарант истинной философии, при этом такое тождество, которое суть «тождество тождества и нетождества». Вместе с тем, для того, чтобы такое абсолютное тождество могло быть положено в основание философии, «необходимо, чтобы субъект и объект были положены оба как субъект-объект» (Там же. С. 128) и при этом рассмотрены и объективно, и субъективно. Только в этом случае такие субъект-объекты могут быть предметами научного познания.

Эти операции взаимного рассмотрения субъект-объекта очень схожи с замыслом Гегеля использовать метод субсумирования. Однако для него на первый план выходит именно взаимоотношение единичного и всеобщего. Принцип субсумирования (*subsumieren*) Гегель использует в качестве основного методологического механизма, который предполагает подчинение, подведение понятия под созерцание и созерцания под понятие, другими словами, рассмотрение единичного с точки зрения всеобщего, а всеобщего – с позиции единичного. Такие шаги представляются ему ведущими к постижению желаемого полного тождества, однако выглядят достаточно искусственными.

Далее, Гегель выводит науки о природе и философские науки из одного основания, уравнивая их в важности и значении: «Наука о субъективном субъект-объекте называлась до сих пор трансцендентальной философией, а наука об объективном субъект-объекте – на-

²⁶ Гегель Г.В.Ф. Различие между системами философии Фихте и Шеллинга (окончание) // Кантовский сборник. 1990. № 1(15). С. 128.

²⁷ Различие между системами философии Фихте и Шеллинга. С. 129.

турфилософией» (С. 133). Теперь не представляется странным тот факт, что он выводит нравственное из сферы природного. Скорее, это лишь подтверждает тождество, лежащее в основании научного знания: «Все только в *одной* тотальности, объективная тотальность и субъективная тотальность, система природы и система интеллекта есть одно и то же; субъективной определенности соответствует точно такая же объективная определенность» (С. 136). Помимо этого, Гегель называет данные системы системами «свободы и необходимости *одновременно*» (С. 137). И природе, и разуму присущи свобода и необходимость. Но если мы подразумеваем под свободой произвол, полностью освобожденный от необходимости, то такой тип свободы не присущ вышеуказанным системам.

При этом Гегель не придерживается строгого деления философии на теоретическую и практическую. Хотя науки о природе считаются теоретическими, а о разуме – практическими, каждая из данных наук имеет и теоретическую, и практическую часть. Такое единство различий двух типов наук Гегель призывает рассматривать как одну единую науку. Они суть одно, а различие заключается лишь в том, какова направленность исследовательского интереса: «В обеих науках суть обе, но в одной познание – материя, а бытие – форма, в другой бытие – материя, познание – форма» (С. 137). Следовательно, если эти науки на самом деле представляют собой одну единую науку об абсолютном, то должна быть некоторая точка их объединения. Гегель, вслед за Шеллингом, называет ее точкой индифферентности, или разумом: «Это единственно высокая точка зрения, в которой обе науки переходят друг в друга, так что их разделение признается только как научное, а идеальность факторов – как нечто положенное для этой цели» (С. 140). Однако для того, чтобы окончательно познать абсолютное, необходимо еще одно действие, которое объединит оба способа познания – созерцание Абсолюта: «Первоначальное тождество... должно объединить обе (тотальности – *Н.Т.*) в созерцании абсолютного, становящегося объективным в своей завершенной тотальности – в созерцании вечного очеловечивания бога, произнесшего слово о начале» (С. 140). Гегель различает виды созерцания для искусства, религии и спекуляции. При этом спекуляция является своего рода высшей философией, вбирающей в себя все науки и имеющей возможность познавать Абсолют посредством философской рефлексии, или интеллектуального созерцания, которое составляет абсолютный принцип и основание философии Шеллинга и Фихте.

Таким образом, Гегель описывает схему познания абсолютного,

основывающуюся на исследовании природы и разума, с одной стороны, на постепенном восхождении и полагании субъективно и объективно предмета исследования – с другой стороны. Все это помогает нам лучше понять метод, который использован им в «Системе нравственности».

Для нас остается непроясненным еще один вопрос: в каком значении Гегель использует термин «созерцание». Можем ли мы говорить об эмпирическом, интеллектуальном созерцании или о каком-то другом? Интеллектуальное созерцание для Шеллинга – это способ постижения абсолютного тождества. В «Дальнейших изложениях моей системы философии» Шеллинг более подробно обращается к теме интеллектуального созерцания: «Мы называем это познание: интеллектуальное созерцание. Созерцание; ибо всякое созерцание – это приравнивание (*das Gleichsetzen*) мышления и бытия, и только в созерцании существует реальность вообще [...]. Интеллектуальным же мы называем это созерцание, потому что есть созерцание разумом (*Vernunft-Anschauung*) и как познание одновременно абсолютно единое с предметом познания»²⁸.

Шмидт, рассуждая о том, что именно Гегель понимал в своей работе под созерцанием, отмечает несколько важных моментов. Во-первых, нужно вспомнить о Канте и его высказывании о том, что мысли без содержания пусты, а созерцание без понятий слепо. Центральную роль здесь играет *intellectus archetypus*. Однако если у Канта *intellectus archetypus* выступал в качестве регулирующей идеи, а не действительной способности человеческого разума, то Шеллинг и Гегель наделяют его реальным существованием, получая, таким образом, возможность подняться от частного к универсальному²⁹. Кроме того, Шеллинг выступает против мысли Канта о том, что философия должна ограничиться только чистыми понятиями, и критикует его за противопоставление всеобщего и особенного, противоречащее философии тождества. Во-вторых, обсуждая тему подведения понятия под созерцание и созерцания под понятие, Шмидт приводит несколько точек зрения (например, К. Розенкранца и Г. Лассона) на эту проблему и заключает, что данную методологическую операцию можно рассматривать либо как необходимый смысловой акт, либо как чисто логическую процедуру, не влияющую на суть рассматри-

²⁸ *Schelling F. W. J. Fernere Darstellungen aus dem System der Philosophie // Ausgewählte Schriften: In 6 Bde. Bd. 2: 1801–1803. Frankfurt/Main, 1985. S. 112–113 (1/4, 368 – 1/4, 369).*

²⁹ *Schmidt S. Hegels System der Sittlichkeit. Berlin, 2007. S. 101.*

ваемой Гегелем проблемы (Там же. S. 105).

Пауль Тиллих в одной из ранних работ очень просто, но точно описывает суть взаимоотношения созерцания и понятия в философии Шеллинга, что, как нам кажется, справедливо и для «Системы нравственности» Гегеля: «К абсолютному тождеству относится абсолютный способ познания. [...] Высший способ познания, т.е. такой, в котором единство и множественность, бесконечность и конечность, субъект и объект – это одно и то же, должен быть также понятием, как и созерцанием, т.е. быть интеллектуальным созерцанием»³⁰. Пожалуй, эта цитата хотя бы отчасти передает смысл, вкладываемый Гегелем в созерцание, а также объясняет необходимость для него использования операции субсумирования понятия и созерцания. Нам кажется, что гегелевское созерцание не тождественно интеллектуальному созерцанию Шеллинга и несколько шире, но как минимум так же обладает задачей познания абсолютного.

Смысл понятия нравственного

Ранее мы уже привели интерпретации некоторых исследователей и их видение того, как следует трактовать нравственность в рассматриваемом нами произведении, какие моменты работы, на их взгляд, являются наиболее важными. В заключительной части мы хотим более подробно обратиться непосредственно к гегелевскому тексту.

В «Системе нравственности» Гегель ставит перед собой непростую задачу – вывести идею абсолютной нравственности из наиболее базовых явлений человеческой жизни, таких как чувство, потребность, наслаждение. Во введении он предлагает основные принципы, на которых будет строиться данное исследование. Философ предпринимает попытку последовательного конструирования «полного» тождества понятия (*Begriff*) и созерцания (*Anschauung*). Созерцание он определяет, вслед за Шеллингом, как подлинно всеобщее, понятие же – как подлинно особенное. Таким образом, для полного понимания идеи вообще и идеи абсолютной нравственности – в частности, необходимо рассмотреть тождество, проанализировав и всеобщее с точки зрения особенного (или единичного), и особенное – с точки зрения всеобщего. Фактически, Гегель на основе методологии шеллинговской философии тождества выстраивает собственную схему

---

³⁰ *Tillich P. Mystik und Schuldbewusstsein in Schellings philosophischer Entwicklung // Tillich P. Frühe Hauptwerke. Gesammelte Werke. Bd. 1. Stuttgart, 1959. S. 62.*

для познания идеи абсолютной нравственности. Эта идея суть тождество противоположностей, которые мы должны исследовать наиболее полным образом.

Уточним, что текст состоит из трех основных частей: 1) Абсолютная нравственность как отношение; 2) Негативное, или свобода, или преступление; 3) Нравственность.

Гегель начинает выведение нравственного из сферы природного и обращается к природной нравственности, называя ее также отношением, поскольку на данном этапе нет полного тождества всеобщего и единичного, созерцания и понятия. В первой части речь идет о двух основных потенциях абсолютной нравственности как отношения, являющихся пока еще формальными: 1) потенция природной нравственности и 2) потенция бесконечного, идеального. Каждую из них Гегель разбивает еще на три субпотенции, состоящие, в свою очередь, из более дробных частей. При этом мы видим, что принцип наличия двух противоположностей (природное, конечное и идеальное, бесконечное) соблюден им только на стадии наиболее крупного разделения. В остальных случаях Гегель выделяет либо по три «момента» потенции (мы это увидим ниже), либо бегло говорит о том, что имеются еще и более частные деления. В тех случаях, когда мы наблюдаем трехчастное разделение, он делает замечания о том, что либо первый момент снимается во втором, а третий служит результатом тождества первых двух, либо третья потенция выступает как некий «средний термин», объединяющий субъективное и объективное, содержащееся в двух других потенциях. Таким образом, можно сказать, что Гегель нащупывает уже на данном этапе собственные методологические, диалектические принципы, которые в дальнейшем будут характеризовать его философскую систему.

Итак, первая основная потенция относится к сфере природы и состоит в свою очередь из более детального деления на другие потенции, однако все они принадлежат самой природе, или *природной нравственности*, и выражают собой подведение понятия природной нравственности под созерцание. Гегель также называет эту потенцию практической потенцией, или чувством, но таким, которое не имеет ничего общего с нравственным чувством в общепринятом понимании. Оно есть потребность, которая посредством снятия становится наслаждением. Потребность есть, по Гегелю, чувство отъединения, особенное и единичное, отделенное от других чувств, которое должно быть снято своим отрицанием. Результат снятия (*Aufgehobensein*) здесь философ определяет как «полное единство и неразличенное то-

ждество»³¹. Здесь Гегель опять производит деление и говорит о том, что потребность может либо подчинять понятие, либо подчиняться понятию.

Первая субпотенция существует в трех моментах: 1) потребность, 2) труд и 3) наслаждение. В ней практическое чувство, подчиняющее понятие, представляет собой формальное понятие. Наслаждение суть тождество первых двух моментов, однако оно пока еще неразумно, поскольку нерефлексивно и не способно познать себя. Потребность же – чувство субъективное и природное. К такому типу практического чувства Гегель относит потребность в еде и питье. Здесь мы можем вспомнить о первой, природной, потенции Шеллинга, описывающей ощущение. Возможно, именно от такого понимания потенции и отталкивался в своих построениях Гегель.

Следующая субпотенция, в которой практическое чувство уже подведено под понятие, характеризуется рядом моментов, таких как 1) негативное практическое созерцание (труд), 2) различие (продукт) и владение, 3) орудие. Однако это «практическое чувство, подведенное под понятие, представляет собой разрозненные моменты целокупности в качестве реальности; эти моменты суть» (С. 281): 1) овладение (*Besitzergreifung*) объектом, 2) труд, 3) владение (*Besitz*) продуктом и переход к наслаждению. Овладение Гегель характеризует как покой, а труд – наоборот, как движение. Их синтезом Гегель называет владение и сохранение объекта (С. 282). В данном случае использованное Гегелем деление тоже не вполне понятно, однако улавливается некоторое содержательное развитие в сравнении с предыдущей субпотенцией, возрастает роль труда. Для удовлетворения единичной потребности человеку необходимы усилия, однако они еще не носят систематического характера и не приводят к накоплению, основная цель – получить в данный момент то, что нужно (например, пропитание, чтобы сохранить жизнь именно сейчас, без мыслей о завтрашнем дне). Но по мере человеческого развития появляются простейшие орудия труда, что делает быт несколько проще и позволяет получить больше, чем нужно лишь в данный конкретный момент.

Вообще Гегель придает важное значение труду и объясняет разницу между тем, как труд понимается в двух описанных им потенциях. Если в первой потенции труд предстает как некое идеальное отношение, то во второй – как реальный процесс, благодаря которому

³¹ Гегель Г.В.Ф. Система нравственности. С. 278.

объект получает бытие в качестве реально определенного. Понятие труда Гегель использует и дальше. Чем более осознанная и разумная деятельность описывается, тем более высокой ступени развития она принадлежит.

Далее Гегель применяет метод субсумирования к живым объектам – растениям и животным. Растение – это живой объект, подведенный под понятие (С. 283). Труд в отношении растений направлен на неорганическую природу, какой-то элемент стихии (почва, камень, вода и т.д.). Подобный труд не затрагивает непосредственно «жизненность» растения. Животное есть понятие живого, подведенное под созерцание. Субсумирование здесь Гегель определяет как обуздание особенностей животного, а труд уже направлен на его органическую природу. И действительно, на раннем этапе развития человечества труд, направленный на выращивание растений и на содержание животных, представляется разным по затраченным усилиям, хотя бы в силу того, что в первом случае могут быть достаточными только своевременный полив и сбор урожая, тогда как во втором случае нужно приручать, создавать необходимые условия для жизни, думать о пропитании животных и т.д.

Следующая важная потенция, объединяющая в себе всеобщее и индивидуальное – это человек. Гегель также определяет ее как тождество потенций растения и животного (С. 286). Взаимодействия между людьми описываются им опять же в трех потенциях: чувство (любовь), отношения родителей и детей, всеобщее взаимодействие и образование. Любовь не принадлежит сфере нравственности, поскольку это отношение имеет природный характер, и в его основе лежит вождление, при котором не может быть абсолютного равенства. Кроме того, Гегель тесно связывает данную потенцию с чувством принадлежности к какому-либо роду. В отношениях родителей и детей происходит снятие бытия природы. Ребенок как бы объединяет две индивидуальности в себе, обретая более высокую степень субъективности. На этом уровне происходит снятие общего чувства, и каждый становится отдельным, самостоятельным индивидом.

Наконец, мы переходим к третьей потенции природы, призванной быть некоторым важным промежуточным этапом, объединяющим две предыдущие потенции. Гегель пишет: «но так как данная потенция сама есть целокупность, то выступить вперед и быть реальным должно разумное как таковое, которое в представлении о формальной потенции оставалось скрытым. Это разумное как раз и является тем, что входит в средний термин и содержит в себе что-то от природы

субъективного и объективного, или есть посредничающее для обоих» (С. 288). Таким образом, третья потенция является в некотором роде связующим звеном для первых двух. Именно благодаря ей природное приобщается к разумному и происходит дальнейшее жизненное развитие. Данная стадия служит некоторым промежуточным подведением итогов развития предыдущих потенций, точкой безразличия. Именно здесь возможно реальное тождество, а не формальное, как было ранее. Гегель описывает три ступени данной потенции: ребенок, орудие, речь.

Ребенок являет собой доказательство разумности природы. Именно в нем снимаются различия полов и происходит единение родителей. Он являет собой реализацию тождества двух индивидов и сам существует как индивид. Это, своего рода, пример непосредственной реализации гегелевского снятия, при котором сохраняются предыдущие моменты противоположностей, но при этом есть переход на качественно новый уровень.

Орудие представляет собой «средний термин» между человеком и объектом труда. Посредством изобретения орудий труд становится разумным и доступным каждому субъекту. И действительно, благодаря различным инструментам неравенство в физической силе и выносливости перестает играть основную роль в трудовой деятельности.

Речь является своего рода тождеством двух явлений – ребенка и орудия: «этот идеализированный разумный средний термин есть речь, орудие разума, дитя интеллигентного существа» (С. 291). Среди потенций речи Гегель выделяет жест, телесный знак и звуковую речь.

Подводя итог потенции природы, Гегель отмечает ее отрицательную сторону, выражающуюся в нужде, естественной смерти, насилии и разрушении со стороны природы или людей. Для того, чтобы выйти на духовно и разумно более высокий уровень развития, необходимо установить другие потенции, не принадлежащие сфере природного.

Вторая основная потенция – потенция бесконечности, идеальности – также состоит из трех субпотенций. В первой из них Гегель рассматривает такие моменты, как машина (более развитое орудие труда), продукт труда и право на собственность. Во втором разделе речь идет о стоимости, обмене, договоре, исполнении работы. Третья субпотенция охватывает анализ денег, торговли, а также форм человеческих отношений. Здесь мы можем познакомиться с первыми размышлениями Гегеля на тему господства и рабства, которые получают более детальное продолжение в «Феноменологии духа». Завершает первый

раздел рассмотрение брака и семьи. Интересно, что Гегель рассматривает брак именно как акт договоренности между людьми, как некий контракт, в отличие от рассматриваемой ранее семьи как союза двух людей, полностью реализующих себя в ребенке.

Подведем некоторые итоги первой главы. Во-первых, данная часть является методологически наиболее выдержанной. Как мы видели, Гегель не всегда сохраняет то деление, которое обозначил во введении, но все же он как будто каждый раз пытается вернуть своему тексту задуманную форму. В дальнейшем он все больше уходит от этой схемы потенцирования и субсумирования, деление будет крупнее и как будто бы формальнее. Во-вторых, мы действительно, как правильно заметил Новгородцев, видим здесь не только рассуждения на темы объективного, но и субъективного духа: ощущение, потребность, ребенок и т.д. Таким образом, «Система нравственности» охватывает гораздо более широкий набор знаний и явлений, чем те, которые в итоге войдут в «Нравственность» как часть объективного духа в системе Гегеля.

Вторая глава посвящена негативному и начинается с достаточно обширных предварительных замечаний, где Гегель объясняет, почему есть необходимость включить рассматриваемые здесь явления в область абсолютной нравственности. Он говорит о том, что до сих пор все сказанное относилось к единичному и формальному, а это нельзя назвать абсолютным. Познание абсолютного предполагает познание противоположностей, соответственно, мы должны исследовать как позитивное, так и негативное. И действительно, размышляя над тем, как происходило развитие человечества, как проявляются исторические события, мы не можем отбросить все то, что не вызывает у нас положительных эмоций, забыть об этом и не вспоминать. Войны, преступления, несправедливость часто играют гораздо более важную роль в жизни общества, чем нам этого хотелось бы. Тем не менее, вопрос о том, как мы понимали бы добро, не будь зла, все еще остается во многом открытым. «В абсолютной связи с преступлением находится справедливость возмездия. Здесь мы имеем дело с абсолютной необходимостью, которая их связывает, ибо одно есть противоположное другому, одно – противоположная субсумция другого» (С. 313). Другими словами, для того, чтобы познать абсолютную нравственность, мы должны рассмотреть ее во всех аспектах, в том числе и в ее полном отрицании.

Мы не будем подробно описывать построения потенциалов в этой части, но кратко обозначим, какие моменты интересуют Гегеля. Речь

здесь идет о таких явлениях, как природное уничтожение, ярость, ограбление, принуждение, угнетение, убийство, месть, борьба, честь, война. Гегель описывает эти неприятные страницы из истории человечества, как обычно, отстраненно и всеохватывающе, но при этом достаточно точно. Это создает ощущение неизбежности негативного в человеческом мире.

Наконец, третья, заключительная глава посвящена непосредственно нравственности. Гегель отмечает, что в рассмотренных ранее потенциях мы имеем дело либо с особенным, либо с всеобщим. Однако в том виде, в котором они были представлены, они не могут быть причастны абсолютной нравственности. Так же и природная нравственность не принадлежит искомой идее. Заметим, что семья еще не включена Гегелем в сферу нравственности, а является лишь последней ступенью нравственного в природе. В абсолютной нравственности происходит объединение единичного и всеобщего: «В нравственности, таким образом, индивидуум существует вечно; его эмпирическое бытие и образ действия является просто всеобщим, ибо на лицо не индивидуальное, которое действует, но всеобщий абсолютный дух в нем» (С. 326). Становится понятно, почему для Гегеля именно народ воплощает в себе абсолютную нравственность. Он, будучи множеством индивидуумов, вместе с тем выступает как некая единичная сущность. Кроме того, в народе снимается природная сторона, он являет собой точку полного безразличия: «как народ есть живое безразличие и природное различие целиком уничтожено, индивидуум созерцает себя в каждом как самом себе, – он достигает наивысшей объективности, присущей субъекту; и это тождество всех... есть... абсолютное и созерцаемое» (С. 327). Именно такое тождество и является абсолютным, познанным, способным к самозерцанию и рефлексии.

В идее абсолютно нравственного Гегель выделяет два основных момента: государственное устройство, или покой, и правление, или движение. Возникает вопрос, почему Гегель в данном случае в отличие от предыдущих разделов не рассматривает тождество этих двух потенций. Надо сказать, что и по характеру письма, и по использованию терминов последняя глава значительно отличается от предыдущих, особенно от первой. Так, например, Гегель гораздо реже говорит о потенциях и чаще использует слово «моменты». Складывается впечатление, что, вооружившись принципами философии Шеллинга и замыслом построить на их основании свой текст, Гегель постепенно либо теряет интерес к такому схематизированному изложению, либо

понимает, что не может применить данную методологию ко всем темам исследуемого предмета. В любом случае, с каждой страницей перед нами предстает все менее упорядоченная структура, но все более четко вырисовываются детали – пока еще не везде продуманные, местами противоречивые – именно гегелевской философии, которая полностью проявит себя в «Феноменологии духа». Возможно, именно неудача в следовании шеллинговской методологии и заставила Гегеля отложить данный текст и отказаться от его печати.

Но вернемся к сфере нравственного. В первом разделе «Государственное устройство» Гегель говорит о народе как об органической целокупности и переходит к описанию нравственности как покоя.

Нравственность здесь делится на абсолютную, относительную и доверие. В некотором смысле они являются для Гегеля добродетелями, присущими народу. И как в государстве Платона определенным добродетелям соответствуют определенные сословия, так и у Гегеля вышеописанные формы нравственности реализуются через три типа сообществ: абсолютное сословие, или власть, сословие добропорядочности, или торговое сословие, и сословие несвободной, или природной, нравственности, которое он также называет крестьянским сословием. Под абсолютной нравственностью понимается «безразличие всех добродетелей... абсолютная жизнь в отечестве и для народа... абсолютное бескорыстие... абсолютное образование... высшая свобода и красота» (С. 330). Такая нравственность обладает оттенком божественного, объемлет все добродетели, способна защититься от врага. Ей присуща храбрость, которая для Гегеля и является безразличием добродетелей. Совершенно понятно, что такая нравственность служит миссии вооруженной защиты своего народа от чужого.

Относительная нравственность – это добропорядочность, соблюдающая справедливость и закон. Она призвана защищать людей от нужды, помогать, усматривать дурные поступки, жертвовать, платить налоги, поддерживать некоторое экономическое и социальное равенство. Но она не может постичь суть абсолютной нравственности, в ее силах лишь иметь на этот счет некоторые суждения: «...ее разум осужден осознавать абсолютную нравственность в качестве всего лишь идеи» (С. 334).

Доверие нуждается в том, чтобы им руководили. Оно не способно полагаться на собственный рассудок, который часто приводит к страху быть обманутым. Доверием движет чувство необходимости и чувство доверия к более высокому управляющему сословию. Оно верит в божественное и вследствие этого способно быть отважным.

Не будем более останавливаться на описании сословий, однако отметим, что это деление выглядит весьма схематично и отвлеченно, а также не учитывает уже существовавший на тот момент рабочий класс. Это выглядит особенно странным, поскольку в этом же тексте Гегель уделяет внимание машинному труду, а также анализирует «тупой» механический труд человека и постепенное его отчуждение. Кроме того, далее Гегель введет еще и ремесленное сословие, которое здесь, видимо, не укладывалось в трехчастную схему.

Заключительная глава произведения посвящена правительству, которое может выступать в форме абсолютного правительства и правительства единичных потенций.

Абсолютное правительство «являет собой первое сословие» (С. 344), но в то же время абсолютное правительство должно поддерживать все сословия и для этого выступать как некая безразличность. Таким образом, Гегель находит компромисс: правительство должно формироваться из старцев и жрецов, которые уже, скорее, составляют некое «идеальное» сословие, своего рода над-сословие. Старец в силу возраста «существует уже наполовину умершим» (С. 346), соответственно, он уже в большей степени принадлежит всеобщему, нежели индивидуальному. Такое положение позволяет ему одновременно и принадлежать абсолютному сословию, и как бы возвышаться над ним. Подобное справедливо и в отношении жреца, с той лишь разницей, что он частично существует в сфере божественного, но также полностью не принадлежит привычной для других реальности. Природа и бог выступают здесь как форма безразличного, как орудие и посредник между идеей абсолютной нравственности и ее воплощением. «Таким образом, старость есть тело абсолютного безразличия по отношению ко всем сословиям. Она лишена индивидуальности... жречество существует как безразличие, не вверенное природе, а отнятое у нее» (С. 347), т.е. истинный представитель правительства – это старец, ведущий жизнь жреца, и жрец, достигший возраста старца.

Гегель возводит абсолютное правительство в ранг выразителя божественной воли на земле. Эта высшая потенция нравственности находится над всеми сословиями и является абсолютной тождественностью. Оно есть «явление бога. Его слова суть божьи изречения, и оно не может являться и быть ни под какой другой формой. Оно есть непосредственное жречество всевышнего, в святыне которого оно держит с ним совет и получает его откровения; все человеческое и всякая иная санкция здесь сняты» (С. 350–351).

В качестве дополнения и даже противопоставления абсолютному правительству Гегель вводит всеобщее правительство, которое есть причина движения, в то время как рассмотренное ранее правительство – «покоящаяся субстанция всеобщего движения», «абсолютное постоянное» (С. 351). Всеобщее же правительство изменчиво, реально, оно выступает как «определенность народа в данное время». Гегель, опираясь на Канта, выделяет три вида государственной власти: «полагание всеобщего – как законодательная власть; идеальное субсумирование – как судебная власть вообще, как справедливость; реальное субсумирование – как исполнительная власть» (С. 353). Тем не менее, вышеперечисленные формы власти для Гегеля являются, по сути, идеализациями, и могут быть действительно реализованы только при условии, если будут находиться в руках одного индивидуума, представляющего исполнительную власть. Именно она является настоящим правительством, другие формы власти сами по себе – пустые абстракции. Каким именно образом происходит взаимодействие абсолютного и всеобщего правительств, Гегель не уточняет. Ясно лишь то, что абсолютное правительство стоит над всеобщим и обладает неким божественным правом на власть, которую осуществляет исходя из свободы и воли. Некоторую подсказку дает гегелевское замечание о том, что идея абсолютного правительства встречалась и раньше, но была совершенно пустой и формальной, как, например, фихтевский эфорат. Но каким образом Гегель хочет преодолеть этот недостаток, он не раскрывает.

После описания правительств Гегель переходит к анализу систем правления. Первая из них – система потребностей, или «система всеобщей физической взаимозависимости» (С. 355). Ни одно сословие не существует изолированно от других. Труд и деятельность одних направлена на удовлетворение потребностей других. Это ясно видно при знакомстве с предыдущими разделами гегелевского текста. Здесь Гегель рассматривает эту тему в отношении отдельного человека, живущего в обществе. Ни один человек не в состоянии обеспечить все свои потребности и нужды. Вне зависимости от вида деятельности мы не можем быть уверенными в том, что, если сегодня все складывается хорошо и наша работа с избытком оплачивается, то и завтра все будет без изменений. Есть обстоятельства, над которыми мы не властны. Вместе с тем то, какой достаток способен иметь человек, зависит от общей экономической ситуации, т.е. от того, как в совокупности выглядят успех или неудача в этой сфере у других людей, сравниваемые Гегелем с «непрестанно вздымающейся и падающей

волной» (С. 356). И вот, в какой-то момент появляется правительство «как бессознательное, слепое, целое потребности и видов ее удовлетворения» (С. 356). Оно призвано обеспечивать целостность нравственного, препятствуя чрезмерному обогащению и появлению крайней нищеты, поскольку эти процессы могут угрожать целостности народа. С появлением сильного финансового расслоения внутри сословия (Гегель здесь приводит в пример ремесленное сословие и оговаривается, что оно в свою очередь делится на другие подсословия) «абсолютная связь народа, нравственное» (С. 360) исчезают, и народ распадается. Чтобы этого не допустить, правительство может применять различные меры, например, препятствовать высокой прибыли, принуждать к труду. Кроме того, соблюдение сословиями определенных законов также делает его представителей зависимыми, но в данном случае лишь нравственно. Задача правительства – заботиться о каждом сословии, но прежде всего – о высшем, поскольку оно «живет в постоянной и абсолютной всеобщей нужде» (С. 361). Кроме того, Гегель обсуждает, каким должно быть налогообложение, как нужно оценивать недвижимое имущество и т.д.

Вторая система правления носит название системы справедливости и затрагивает темы собственности и правосудия. Право на владение некоторой вещью должно быть признано, и правительство является субъектом правосудия. Гегель выступает за такое право, которое будет объективно для любого человека и будет рассматривать его и как некое всеобщее лицо, и как данного конкретного индивида: «Право восходит к единичности и является абстракцией всеобщности, поскольку в нем должна заключаться единичность» (С. 364). Гегель также проводит различие в понимании гражданского и уголовного правосудия. Если первый тип правосудия имеет дело с «определенностями», т.е. с тем, что определено человеком как его собственность, то уголовное правосудие разрешает споры, в центре которых находится индивид как целостность, как реально существующая личность. В зависимости от тяжести преступления против всеобщности Гегель выводит три типа наказаний: гражданское наказание; уголовное наказание; война.

Наконец, третья система правления – это система дисциплины. Эта система, как и предыдущие, затрагивает всеобщее, но развертывающееся на более высокой стадии, абсолютное, но такое, которое определяется как особенное. Она охватывает широкий круг явлений, таких как воспитание, образование и дисциплина и, наконец, рождение детей. Все это призвано поддержать целостность нравственности,

укрепить связь внутри народа, обогатить его и даже расширить границы государства. Это выражает сферу социальных отношений, влияние на индивида как на единичность всеобщего, на его разум и духовность. Описание данного раздела крайне коротко, но при этом достаточно ёмко. Так, среди способов выражения дисциплины Гегель называет не только полицию, подготовку к войне, испытание в ней отдельного человека, но и обычаи, порядок. К сфере образования относятся также науки, изобретения, философия, таланты, образующий себя, обсуждающий и сознательный народ. Рождение детей Гегель связывает с объективным становлением человека в качестве представителя конкретного народа и даже с процессом колонизации.

Последний раздел текста, также оставшийся незаконченным и во многом представляющий по форме заметки, повествует о свободном правлении. Гегель выделяет три формы такого правления – демократию, аристократию и монархию, а также эти же три формы соответственно в качестве несвободного правления – охлократию, олигархию и деспотию. Эти две группы режимов по сути представляют собой только три типа правления, различающиеся в зависимости от отношения правительства к подданным. Данное тематическое деление опять напоминает нам сюжет из античной философии, но на этот раз принадлежащий Аристотелю. Ни одна из этих форм не лишена недостатков. Монархия, по мысли Гегеля, является абсолютной реальностью «нравственности в индивидууме» (С. 367), где монарх обязательно должен быть сторонником какой-либо религии. При этом «чем больше народ един сам с собой, с природой и нравственностью, тем больше вбирает он в себя божественное и теряет его в этой противостоящей ему религии» (С. 367), постепенно освобождаясь от нее. При этом монархию отличают большие владения и право наследования. Такой абсолютизм является, по мнению Гегеля, наихудшей формой. Аристократия отличается правлением многих, а демократия является абсолютной реальностью «нравственности во всех». В силу того, что данный раздел носит черновой характер, мы не можем точно сказать, какова была идея Гегеля и какую из форм правления он в итоге поставил бы выше других.

Заключение

В рассмотренной системе нравственного Гегель не ограничивается повторяющимися мотивами в области естественного права Нового времени, такими как естественное состояние, договор, этика, право,

а также методами их выведения и доказательства. Он затрагивает по большому счету все без исключения феномены социальной жизни и выстраивает действительно существующую сферу нравственного, не имеющую пока ничего общего с моралью: Гегель предлагает богатую феноменологию абсолютной нравственности как сферы социального, и посредством такого чрезмерного наполнения схематизация, которую Гегель перенимает у Шеллинга, не выдерживает натиска и приходит в негодность. Попытка вывести абсолютную нравственность через потенцирование уступает богатству содержания текста. Практическое чувство, работа, орудие, машина, признание, обмен, договор, деньги, торговля, господство и рабство, преступление – все это предшествует выведению понятия абсолютной нравственности, включающему такой обширный круг явлений, как народ, государственное устройство, правительство, правосудие, учение о формах государственности и их связи с религией.

Гегель, с одной стороны, тематически расширяет учение о нравственности, с другой же стороны, исключает из него те понятия, с которыми обычно связана данная тема: в его понимании нравственность описывает всевозможные стороны жизни общества, однако не имеет ничего общего с этикой как таковой. Дуальность учения о праве и учения о добродетели у Канта, а также основоположений естественного права и системы учения о нравах у Фихте была преодолена в попытке Гегеля унифицировать эту сферу знания. Ключевым понятием такой дисциплины, имеющей новое содержание и даже подразумевающей отход от традиционного философского толкования предмета, становится именно нравственность в особенном смысле, а не естественное право, добродетель и т.д.

«Система нравственности» представляет собой одну из первых попыток Гегеля выстроить целостный, действительно системный взгляд на данную сферу, но по каким-то причинам так и оставшуюся неоконченной. Тем не менее, она чрезвычайно важна для понимания философской эволюции Гегеля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гегель Г.В.Ф. Позитивность христианской религии // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. Т. 1. М.: Мысль, 1970. С. 87–207.

Гегель Г.В.Ф. Различие между системами философии Фихте и Шеллинга (окончание) // Кантовский сборник. №1(15). 1990. С. 127–157.

Гегель Г.В.Ф. Система нравственности // Гегель. Политические произведения. М.: Наука, 1978. С. 276–367.

- Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М.: Наука, 1987. 616 с.
- Маркузе Г. Разум и революция. СПб: Владимир Даль, 2000. 541 с.
- Мотрошилова Н.В. Путь Гегеля к «Науке логики». М.: Наука, 1984. 351 с.
- Новгородцев П. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве. Два типических построения в области философии права. М: Унив. типография, 1901. 248 с.
- Шеллинг Ф.В.Й. Изложение моей системы философии // Шеллинг Ф.В.Й. Изложение моей системы философии. СПб: Наука, 2014. С. 23–188.
- Шеллинг Ф.В.Й. Система трансцендентального идеализма // Шеллинг Ф.В.Й. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1987. С. 227–489.
- Hegel G.W.F. System der Sittlichkeit [Critik des Fichteschen Naturrechts]. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2002. XXXIX + 85 S.
- Heller H. Hegel und der nationale Machtstaatsgedanke in Deutschland. Leipzig; Berlin: Verlag U. Druck von B.G. Teubner, 1921. 210 S.
- Jaeschke W. Hegel-Handbuch. Stuttgart: J.B. Metzler Verlag, 2016. 540 S.
- Rosenzweig F. Hegel und der Staat. Erster Band. Lebenstationen. München und Berlin: Verlag von R. Oldenbourg, 1920. 252 S.
- Schelling F.W.J. Fernere Darstellungen aus dem System der Philosophie // Ausgewählte Schriften in 6 Bänden. Bd. 2: 1801–1803. Frankfurt am Main: Surkamp-Verlag, 1985. S. 77–167.
- Schmidt S. Hegels System der Sittlichkeit. Berlin: Akademie Verlag, 2007. 280 S.
- Tillich P. Mystik und Schuldbewusstsein in Schellings philosophischer Entwicklung // Tillich P. Frühe Hauptwerke. Gesammelte Werke. Bd. 1. Stuttgart: Evangelisches Verlagswerk, 1959. S. 11–108.

NATALIYA ANATOLIEVNA TATARENKO

PhD in Philosophy, Research Fellow at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russia.
E-mail: nataliya.koreneva@gmail.com

Concept of the Ethical and its Interpretation in Hegel's System of Ethical Life

Summary. This article analyzes the work of G.W.F. Hegel “System of ethical life”, written during his life in Jena. This is one of first Hegel's attempts to develop a systematic view on the problem of the ethical. The manuscript, which remained unpublished during the philosopher's lifetime, is a very unusual text on the ground of not only its content but also on the ground of Hegel's methodology. The influence of Schelling's philosophy of identity on this text is obvious, but at the same time, Hegel's independent thought is already noticeable, and not always consistent with Schelling's ideas. The author explore the methodological features of the Hegelian text, interprets the meaning of the essential concepts, considers the main substantial points, and also gives a number of interpretations of “System of ethical life” made by some russian and foreign researchers.

Keywords. Classical German philosophy, G.W.F. Hegel, F.W.J. Schelling, ethical life, intuition, concept, identity, absolute idea.

References

Hegel, G.W.F. “Razlichie mezhdu sistemami filosofii Fichte i Shellinga (okonchanie)” [The Difference Between Fichte’s and Schelling’s System of Philosophy (ending)], *Kantovskiy sbornik* [Kantian journal], №1(15), 1990, pp. 127–157. (in Russian)

Hegel, G.W.F. “Positivnost’ khristianskoi religii” [The positivity of the christian religion], in: G.W.F. Hegel, *Raboty raznykh let* [Works of different years]. Vol. 1. Moscow: Mysl’ Publ., 1970, pp. 87–207. (in Russian)

Hegel, G.W.F. “Sistema nravstvennosti” [System of ethical life], in: G.W.F. Hegel, *Politicheskie proizvedeniya* [Political works]. Moscow: Nauka Press, 1978, pp. 276–367. (in Russian)

Hegel, G.W.F. *System der Sittlichkeit [Critik des Fichteschen Naturrechts]*. Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2002. XXXIX + 85 S.

Heller, H. *Hegel und der nationale Machtstaatsgedanke in Deutschland*. Leipzig–Berlin: Verlag U. Druck von B.G. Teubner, 1921. 210 S.

Jaeschke, W. *Hegel-Handbuch*. Stuttgart: J.B. Metzler Verlag, 2016. 540 S.

Lukacs, G. *Molodoi Gegel’ i problemy kapitalisticheskogo obschestva* [The young Hegel]. Moscow: Nauka Press, 1987. 616 p. (in Russian)

Marcuse, H. *Razum i revolyutsiya* [Reason and Revolution]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal’ Publ., 2000. 541 p. (in Russian)

Motroshilova, N.V. *Put’ Gegelya k «Nauke logiki»* [The way of Hegel to «Science of Logic»]. Moscow: Nauka Press, 1984. 351 p. (in Russian)

Novgorodtsev, P. *Kant i Gegel’ v ikh ucheniyah o prave i gosudarstve. Dva tipicheskikh postroeniya v oblasti filosofii prava* [Kant and Hegel in their theories of law and the state. Two typical constructions in the Field of Law Philosophy]. Moscow: Universitetskaya Publ., 1901. 248 p. (in Russian)

Rosenzweig, F. *Hegel und der Staat*. Erster Band. Lebenstationen. München und Berlin: Verlag von R. Oldenbourg, 1920. 252 S.

Schelling, F.W.J. Fernere Darstellungen aus dem System der Philosophie, in: F.W.J. Schelling. *Ausgewählte Schriften in 6 Bänden*. Bd. 2: 1801–1803. Frankfurt am Main: Surkamp-Verlag, 1985, S. 77–167.

Schelling, F.W.J. Sistema transcendentalnogo idealizma [System of transcendental idealism], in: F.W.J. Schelling. *Sochineniya v 2 tomah* [Works in 2 vols.]. Vol. 1. Moscow: Mysl’ Publ., 1987, pp. 227–489. (in Russian)

Schelling, F.W.J. “Izlozhenie moei sistemy filosofii” [Presentation of my system of philosophy], in: F.W.J. Schelling. *Izlozhenie moei sistemy filosofii* [Presentation of my system of philosophy]. St-Petersburg: Nauka Press, 2014, pp. 23–188. (in Russian)

Schmidt, S. *Hegels System der Sittlichkeit*. Berlin: Akademie Verlag, 2007. 280 S.

Tillich, P. “Mystik und Schuldbewusstsein in Schellings philosophischer Entwicklung”, in: P. Tillich. *Frühe Hauptwerke. Gesammelte Werke*. Bd. 1. Stuttgart: Evangelisches Verlagswerk, 1959, S. 11–108.